ТРИ ЛЕКЦИИ ОБ АВТОРЕ

ТРИ ЛЕКЦИИ ОБ АВТОРЕ

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ СЛОВА В СЖАТОМ ИЗЛОЖЕНИИ

Если поставить вопрос о конечных причинах неистребимого стремления человека к творчеству вообще и поэзии в особенности, то мы постепенно придем к выводу, что эти причины, во-первых, являются онтологическими по своему характеру, во-вторых, лежат за пределами жизненной действительности. Человек - существо сверхжизненное, принужденное, однако, существовать “отчасти” жизненным (биологическим) образом. По понятной причине он не удовлетворяется теми онтологическими ресурсами, которыми располагает жизненный тип существования, стремится осуществить “человеческий” тип бытия. Таким образом человек становится субъектом эстетического бытия. Разумеется, эстетическая форма существования не является высшей формой человеческого бытия, однако же, она, во-первых, этот тип все же осуществляет; во-вторых, обнаруживая ограниченность своих возможностей, поощряет к поиску других, более основательных, форм осуществления своего человеческого бытия.

Рассматривая человека как онтологически конфликтного субъекта, мы догадываемся о наличии более широкого онтологического контекста, нежели тот, с которым имеем дело фактически, следовательно, и эстетический конфликт должны расценивать как практическую форму осуществления более универсального конфликта, вовлеченными в который оказываются такие величины, как Космос, Слово, язык и др. В конечном счете мы приходим к выводу, что Слово есть не только абсолютно первичный субъект бытия, но в известном смысле и единственный, поскольку все прочие существования суть превращенные формы бытия Слова. "История" Слова начинается с того момента, когда оно превратило себя в физический космос, и завершится в тот момент, когда совершит акт "обратного" превращения. Между двумя этими моментами и укладывается "исторический" период существования Слова. Возникает вопрос о причине превращения Слова в физический космос.

Мы полагаем, что у Слова не было поводов для недовольства своим бытием как таковым, поэтому речь шла не о его усовершенствовании, но об "овладении" им. Слово не хочет принимать своё бытие как данность, а само хочет быть причиной и творцом себя самого и своего бытия.

Содержанием бытия Слова является любовь. Превращая себя в космос, Слово и содержание бытия превращает в некоторую физическую ценность, в некий материальный эквивалент любви. В ситуации, возникшей вследствие превращения Слова в физический космос, любовь из данности становится заданностью, из наличности - целью, она существует как востребованная ценность. Все бытие Слова устремлено на овладение любовью как, с одной стороны, высшей, с другой - как единственной и "нормальной" для него ценностью. Бытие Слова становится "векторным", направленным на достижение такого по форме бытия, содержанием которого "нормально" является любовь. А это, как мы знаем, то самое состояние, которое и было "в начале". Поскольку Слово "утратило" это состояние вследствие акта превращения, то восстановить его оно может через событие "обратного" превращения.

Трудность, которая препятствует свершению этого события, заключается в субъекте, в которого Слово себя превратило и которым стало. Физический космос является субъектом

физического существования, и тип этого существования онтологически сроден ему как телесному субъекту. Физический космос не испытывает никакого онтологического беспокойства и, как следствие, намерения изменить свой статус. Будучи субъектом суверенного, с одной стороны, существования, он, с другой, является Словом в его превращенном онтологическом состоянии. В этой ситуации космос оказывается субъектом "служебного" бытия: своим существованием он совершает бытие Слова.

Будучи превращенным, Слово тем самым является субъектом конфликтного существования. Оно не находит свое превращенное состояние нормальным и предпринимает попытки "выпрямить" его, преодолев сопротивление физического космоса, восстановить исходное состояние, но уже не как "данное", но как "достигнутое".

Таким образом, бытие Слова становится "событием бытия": оно является направленным на достижение цели -восстановление своего исходного онтологического состояния, и достигает в этом успеха.

Поскольку цель Слова может быть достигнута только при условии потребности в любви как высшей для себя ценности у того, в кого Слово себя превратило, то его усилия сосредоточены на постепенном повышении онтологического статуса космоса: из физического он становится сначала растительным, а затем органическим. Ученые, решая вопрос о происхождении жизни на Земле, рассматривают его чисто эмпирически, т.е. ставят вопрос о ближайших (непременно случайно сошедшихся) обстоятельствах, которые и стали ближайшей же причиной возникновения сначала растительного, а потом органического (жизнь) типа существования.

Суть, однако, не в том, что на Земле появилась растительность, а в том, что космос из физического субъекта существования становится растительным субъектом. Космос стал существовать не физически, а "растительно". Ведущими и определяющими формами его бытия становятся растительные закономерности.

Органическая форма существования является высшей формой телесного типа бытия. С появлением человека как следующей стадии в онтологическом развитии космоса он из телесного становится языковым, сверхтелесным. Отличие человека от животного как субъекта непосредственно телесного существования состоит в том, что человек - субъект, владеющий внутренней формой своего бытия. Космос, будучи субъектом превращенно-языкового бытия, является тем самым внутренней формой бытия всего телесным образом сущего. Отличие в том, что телесное существо субъектно внутренней формой не владеет, поэтому оно не может быть субъектом внутреннего существования. Человек же может и, как легко догадаться, только во внутренней форме он является человеком.

Владение внутренней формой проявляется в потребности в воображении, являющейся специфически человеческой. Воображая себя в какое-либо существо или предмет, человек определяется относительно них как их внутренняя форма. Тем самым он становится внутренней формой относительно себя самого как телесного существа.

Языковая форма - низшая форма человеческого бытия. Космос достигает высшей формы своего бытия - "словесной" (от Слова). Он становится субъектом превращенно-словесного бытия. На этой стадии содержанием его бытия является любовь. Таким образом, Космос становится Иисусом Христом. Христос - первый человек, содержанием бытия которого является любовь. Именно поэтому его бытие становится "словесным", хотя и в превращенной форме. Тип бытия Иисуса Христа совпадает с типом бытия Слова. Любовь оказывается главной (собственно, единственной) ценностью как для того, в кого превращает се-

бя Слово (Космос-Христос), так и для того, кто превращает себя в него (Слово). Эта ситуация и является причиной произошедшего на Голгофе, т.е. причиной акта обратного превращения. Этот акт - не мгновенное событие. Достаточно сказать, что оно длится до сих пор. Слово, осуществляя Христа, переживает "христианскую" стадию своего бытия. Поскольку содержанием бытия Христа является любовь, отсюда следует, что все, во что превращает себя Слово, пребывая во Христе, пребывает тем самым в любви. Это утверждение представляется несовместимым с тем, что происходит в человеческой истории за последние две тысячи лет. По-видимому, не будет преувеличением сказать, что они были самыми кровавыми за всю историю человечества. "И если это любовь..."

Посмотрим с другой точки зрения. За последние две тысячи лет человечество переживает то, что Иисус Христос как воплощенный человек пережил за несколько часов. То, что свершилось тогда с ним, происходит теперь с ним же как Космосом - субъектом христианского бытия. Происходит последний акт овладения Словом любовью как истинным содержанием своего бытия. Слово поляризуется - в том смысле, что напряженность отношений между телесным (жизненно актуальным) и словесным человеком достигает критической отметки. Это состояние Слова в своем превращенном виде и предстает как содержание человеческой истории с момента распятия Христа. Жизненная ипостась человека убеждает его в том, что высшая ценность для человека - это жизнь, и жизненный инстинкт предостерегает его от смерти как лишения этой ценности. Онтологическая интуиция человека влечет его к тому, чтобы реально осуществиться в том бытийном статусе, который ему свойствен как человеку, - стать субъектом словесного бытия. Но овладение этой онтологической формой не может произойти без того, чтобы человек не почувствовал в любви высшую для себя ценность.

Теперь следует выяснить, какую позицию занимает эстетический автор. Поэт - субъект превращенно-словесного бытия (как, впрочем, и любой автор эстетического бытия). Поэтическое бытие является высшим по своему онтологическому статусу и совпадает по типу с бытием Слова. Становясь субъектом поэтического бытия, автор тем самым становится субъектом конфликтного существования. Формулируя мысль предельно просто, скажем, что эстетический конфликт - это онтологическое противостояние поэта и телесного (жизненно актуального) человека. Этот конфликт актуализируется и разрешается в событии эстетического бытия автора. Пример: поэтический конфликт - это столкновение Пушкина как субъекта превращенно-словесного бытия и Пушкина как субъекта жизненно-прозаического существования. Этот конфликт обостряется и разрешается в событии поэтического бытия автора, движущей силой которого он и является.

Разрешение онтологического противоречия состоит в том, что автор совершает акт обратного превращения, т.е. из субъекта превращенно-словесного бытия становится субъектом непосредственно словесного бытия. Этот акт может совершиться только при условии, что герой овладеет любовью как высшей для себя ценностью. В этом случае форма его бытия совпадает с формой авторского. Автор становится вследствие произошедшего онтологического отождествления автора и героя субъектом непосредственно словесного бытия, т.е. перестает быть автором. Таким образом, опыт поэтического бытия содействует стремлению к овладению словесной формой бытия как человеческой - в ее непосредственном, "прямом" виде, испытываемом Космосом-Христом. Следует только заметить, что поэтическое бытие, о котором мы здесь говорим как о чем-то нам знакомом и даже привычном, - весьма редко встречающаяся форма бытия. Поэтов, во всяком случае, неизмеримо меньше, чем произведений мировой литературы, традиционно считающихся "поэтическими". То или иное произведение может быть превосходным образцом поэтического искусства, однако его автор вместе с тем может и не быть субъектом превращенно-словесного бытия, следовательно, не быть онтологически конфликтным субъектом. Его произведение может

вызывать чувство удовлетворения у знатока, может даже стать “событием” в поэтическом цехе и даже в сфере искусства в целом, но оно остается нейтральным относительно того конфликтного состояния, которое переживает сейчас Космос-Христос.

Эстетическая ценность, будучи одной из высших ценностей человека, не является, однако, абсолютно высшей. Превращенно-словесная форма бытия поэта не обладает разрешающей энергией, требуемой Христом. Эстетическая ценность - своего рода аналог любви как абсолютно высшей человеческой ценности, и на большее она претендовать не может.

Лекция первая

ОТ СЛОВА К ФИЗИЧЕСКОМУ КОСМОСУ

§ 1. “В начале было слово…”

В основе дальнейших рассуждений лежит мысль о Слове как единственном субъекте бытия, т.е. Слове, явленном в совокупности всех превращенных форм, среди которых человеку принадлежит исключительное место.

Слово было субъектом совершенного бытия, быть недовольным которым у него не было причин. И тем не менее оно отказывается от прямой и непосредственной формы своего бытия и превращает себя в физический космос - субъекта наиболее низкого по своему статусу существования. Возникает вопрос о причине.

Поскольку мы вынуждены рассуждать по аналогии, возможно, наши рассуждения могут показаться “слишком человеческими”. Однако человек - аналог Слова, и рассуждая по-человечески, мы рассуждаем наиболее корректным в нашей ситуации образом.

Итак, вопрос: почему Слово превращает себя в космос? - Мы отвечаем на этот вопрос следующим образом. Слово -субъект, содержанием бытия которого является любовь. Любовь - это, следовательно, такая ценность, которая может существовать только в “словесной” форме. Вместе с тем она -ценность, которая как бы “дана” Слову, обладание этой ценностью ему ничего не стоит и. так сказать, ни к чему не обязывает. Слово не хочет быть просто “вместилищем” (или “носителем”) любви. Поэтому оно отрицает свое онтологическое состояние как простую для себя данность и хочет быть причастным к появлению такой ценности, как любовь и, следовательно, к форме, способной ее осуществлять, т.е. Слово отменяет себя, чтобы создать себя самому. Речь идет не об исправлении каких-то “дефектов” своего бытия, но о том, чтобы стать творцом себя самого. Вот это "человеческое" рассуждение мы хотим пояснить примером. В свое время И. Кант вызвал общественное негодование тем, что отказался признать добродетельным человека, творящего добро по природной наклонности. Это возмущение, которое, конечно, притупилось постепенно, оказалось все же способным вызывать чувство неприятного удивления еще долгое время. Почти век спустя В. Соловьев пишет (вполне разделяя чувства современников немецкого философа): “Сознание долга или обязанности и естественная склонность могут быть совмещены в одном и том же действии, и это, по общему сознанию, не только не уменьшает, но, напротив, увеличивает нравственную цену действия, хотя Кант... держится противоположного мнения и требует, чтобы действие совершалось *исключительно* по долгу, причем склонность к добрым действиям может только уменьшить их нравственную цену, но это есть, очевидно, индивидуальное увлечение Канта своим формалистическим принципом, что подало справедливый повод Шиллеру для его известной эпиграммы:

Делать добро моим близким привык я, но только к несчастью
Делаю это охотно, зане я сердечно люблю их.
Как же тут быть? - Ненавидь их, и с чувством враждебным и злобным
Делай добро, и тогда только будешь морально оправдан!”[1]

---

[1] В.С. Соловьев. Критика отвлеченных начал // В.С. Соловьев. Поли. Собр. Соч. и писем в 20 т. -Т.З. - М., Наука, 2001. -С.69.

Между тем мысль философа состояла в том, что нравственность не является природной категорией, и “природная доброта” - это ложное понятие. Свою непосредственную природность человек должен освоить “человеческими” формами, перестать быть природным материалом, сферой брожения природных сил. Свою природную данность человек усваивает человеческим началом в себе и таким образом становится собственным творцом.

То же происходит со Словом: оно отрицает не себя, а непосредственную для себя данность. Слово просто усваивает себя себе, овладевает собой. Это прежде всего относится к ценности, являющейся содержанием его бытия, - любви. Из данности любовь становится “заданностью”, из сущей -востребованной. Превращенность любви снимает ее данность, она теперь может быть восстановлена только по причине потребности в ней, причем эта потребность ничем внешним не инициирована. Если тот субъект, в которого превратило себя Слово, почувствует потребность в любви настолько настоятельную, что согласится ею овладеть, несмотря ни на какие онтологические последствия, - тогда любовь снова станет содержанием бытия Слова, восстанавливая одновременно его первичную форму.

Таким образом, “история” превращенного бытия Слова разворачивается между двумя событиями: Слово превращает себя в телесный космос: космос, претерпев ряд онтологических преобразований, становится Иисусом Христом, осуществляющим акт обратного превращения. Слово восстанавливает непосредственную форму своего бытия, и любовь - как содержание этого бытия - становится уже не данностью, а достигнутостью.

§ 2. Происхождение физического космоса

Вопрос о происхождении космоса принадлежит ведению астрономии, отделу физики, и мы. по-видимому, вторгаемся в чужую область знания. Существующие теории происхождения Вселенной достаточно убедительно доказали, что этот вопрос нельзя решить, оставаясь в рамках изучения активности физических законов. Лаплас не нуждался в гипотезе Бога, оттого его собственная гипотеза оказалась неубедительной. - Но ведь в противном случае нет не только этой, но и вообще нет никаких проблем: всё от Бога. - Проблемы, - спешим заметить, - есть, только они несколько иного плана. Мы не должны решать ту или иную проблему, заранее оговаривав трудноисполнимые условия. Конечно, чтобы доказать, что космос - творение Слова, нужно сначала доказать существование самого Слова, и тут, конечно, ссылка на Евангелие не может быть принята в качестве по крайней мере решающего аргумента.

Как известно, гипотеза в науке - не только вполне допустимый прием, но иной раз просто необходимый. Мы как раз и выдвигаем гипотезу не Бога, правда, но Слова (между Богом и Словом, на наш взгляд, есть некоторые отличия). Согласны, что наша гипотеза - не научная, а нужна научная. - Но ведь это именно и есть тот случай, когда заранее ставится условие, что добыть знание о некотором интересующем нас “предмете” надо обязательно научным способом. Наука - и об этом говорят все более уверенным тоном - лишь определенная (очень существенная и ответственная) форма знания? И ограничивать свой горизонт сферой только научного знания значит проявлять непонятный каприз. Научное знание - “объективное” знание, исключающее субъективный произвол, вообще любое вмешательство субъективного фактора. - Но ведь сама установка на объективность и есть проявление субъективного произвола. Научное знание - это знание субъекта об объекте. Чтобы получить некоторое знание о каком-либо предмете, его действительно нужно опредме-

тить, иначе относительно него невозможно занять субъектную позицию. Мы, таким образом, не только себе, но и той величине, в познании которой мы заинтересованы, ставим условие: будь объектом, потому что только в этом случае мы можем получить о тебе научное знание. Это ли не субъективный произвол.

Мы, по-видимому, не допускаем возможности существования таких величин, которые не могут отвечать требованиям, предъявляемым наукой, потому что не могут существовать "объективно", вследствие чего не допускают по отношению к себе позиции вненаходимости. Таков, между прочим, и "объект" нашего внимания - автор. Относительно автора невозможно занять позицию вненаходимости, нельзя "вправить" его в оппозицию "субъект - объект". Научное знание об авторе по этой причине исключено, следовательно, то знание, которым мы все же владеем, является ненаучным (или это знание не об авторе). А ведь автор - это не то, то лежит вне сферы нашего повседневного опыта, он не способен поразить нас своей экзотичностью, а потому должен считаться достаточно простой "задачкой". Однако мы преуспели больше в области космических перелетов, чем в понимании простых и близко от нас отстоящих (а то и прямо в нас пребывающих) реалий, упорно сводя их к "объекту". Проблема автора - одна из таковых.

Итак, наша точка зрения формулируется следующим образом: Слово превращает себя в физический космос и - в определенном отношении - им становится. "Определенный" здесь - не только "конкретный", но, главным образом, "не единственный". Т.е., Слово, превращаясь в космос, не отождествляется с ним онтологически. Нельзя сказать: то, что было до превращения Словом, после стало физическим телом. Слово не перестало существовать, а если это так, то остается и словесный способ бытия. Речь идет не об исчезновении Слова, но о перемене его онтологического состояния. Состояние же это, следует признать, изменилось весьма радикальным образом. Поскольку Слово становится субъектом превращенного бытия, а это бытие совершается посредством другого по своему типу существования, следовательно, возникает другой субъект, вместе с ним возникает и вопрос о соотношении двух субъектов существования - Слова и физического космоса. Ясно, что они соотнесены онтологически, и нам важно знать основу и способ их соотношения.

Этот вопрос достаточно принципиальный для развиваемой нами теории автора, а потому мы выделяем его, так сказать, в относительно самостоятельно научное производство, т.е. посвящаем ему отдельный параграф. А сейчас мы рассмотрим несколько вопросов, имеющих отношение к ситуации творения.

Итак, есть субъект, бытие которого осуществляется словесными, абсолютно высшими онтологическими формами. Возникает вопрос: может ли субъект высшего по своему типу бытия превратить себя в субъекта низшего существования? - Может теоретически, а в определенных ситуациях (какова рассматриваемая в настоящем случае) этот акт оказывается неизбежным.

Поясним это утверждение аналогией. Когда артист играет роль, например. Гамлета, он стремится перестать быть собой и стать Гамлетом, вживаясь в него и под. Этому учит К. Станиславский в своей системе, такова, в общем, театральная практика. Между тем ситуация здесь существенно иная: исполнитель - субъект такого бытия, которое не может быть осуществлено непосредственным образом, а потому вынуждено осуществлять себя опосредствованным (превращенным) образом. Гамлет и есть тот субъект, в которого превращает себя исполнитель, чтобы осуществить свое бытие. И как мы ни преклоняемся перед Гамлетом, какой пиетет ни испытываем относительно его трагической личности, какими мелкими личностями ни кажемся сами в сравнении с ним, мы должны признать: в том событии, которое мы считаем эстетическим, Гамлет - только превращенная форма

осуществления бытия такого типа, субъектом которого и является исполнитель. Исполнителя мы ассоциируем с каким-то конкретным человеком, и этот человек неизбежно проигрывает от сравнения с Гамлетом. Высоцкий - замечательный человек, но, конечно, не “Гамлет”. Никто и не спорит. Беда в том, что “Володя” тут почти что не при чем, речь идет не о сравнении двух лиц, но о сравнении двух типов существования: авторского (Высоцкий-исполнитель - автор и, следовательно, творец Гамлета) и "геройского". Высоцкий-исполнитель - субъект высшего, нежели фабульное лицо, существования. Гамлета, конечно, нужно освоить онтологически. Нужно, следовательно, “вживаться” определенным образом: формы своего авторского бытия превратить в жизненные формы существования Гамлета. А для этого, что очевидно, следует овладеть типом авторского (в нашем случае - превращенно-языкового) бытия. Все знают, что нельзя стремиться к тому, чтобы стать как бы непосредственно Гамлетом, оставить некоторую дистанцию между собой и им. Следует уточнить: дистанция эта онтологическая и разделяет она не Гамлета и Высоцкого, а субъектов языкового и жизненного существования. Вопрос таким образом, не в том, насколько Высоцкий “похож” на Гамлета, насколько Высоцкий овладел жизненной формой, пусть даже и такой, как Гамлет, а насколько он овладел своей - превращенно-языковой - формой. Режиссеры совершенно не замечают описанную нами форму существования, ее субъекта, не видят ее значения для эстетического события, а потому, и то только в редких случаях, способны произвести более или менее любопытное зрелище. Таким образом, мы убедились в возможности акта превращения высшего по своему типу существования субъекта (исполнителя) в низшего - жизненно актуального - человека. Вкратце коснемся серьезной проблемы, которая здесь возникает. Каждое сравнение хромает, а аналогия и есть сравнение. “Хромота” состоит в том, что физический космос, в которого превращает себя Слово, - подлинная, реальная онтологическая величина, а Гамлет, в которого превращает себя исполнитель, - вымысел, его существование - условность.

Мы, с одной стороны, воспринимаем некоторую эстетическую ценность как реально существующую. Так, трагедия Шекспира “Гамлет” является действительной, а не условной, эстетической ценностью. Согласно предлагаемой нами теории, субъектом эстетического бытия является автор (Шекспир-автор). Между двумя утверждениями: “Шекспир - субъект эстетического бытия” и “Шекспир-автор -эстетическая ценность” - нет противоречия. А из сказанного следует: признавая реальность “эстетической ценности”, мы признаем тем самым реальность эстетического бытия автора.

Но что значит: "эстетический автор - онтологически реальная величина?" - Это значит следующее: Шекспир-автор осуществляется, как мы говорили выше, превращенно-словесными (сверх) законами. Поскольку эти сверхзаконы осуществляются превращенным образом, т.е. через посредство в конце концов жизненных закономерностей, осуществляющих фабульных лиц, то из сказанного следует: бытие Шекспира-автора и жизненное (фабульное) существование Гамлета взаимосвязаны. Если мы признаем, что бытие Шекспира-автора реально, то должны признать реальным и существование Гамлета-героя. Против последнего вывода у нас остается один, однако весьма серьезный аргумент: Гамлета нет потому, что его нет в той действительности, в которой есть читатель и когда-то был Шекспир. Мы теперь оказываемся в ситуации, когда нам следует признать единственность нашей действительности и, сохраняя последовательность, признать эстетическую ценность определенной, необходимой, играющей очень существенную роль в нашей жизни, фикцией. Или - проблематизировать “нашу действительность” - на предмет ее единственности. Мы как раз и пытаемся это представление о неединственности нашей действительности проверить. Итак, если мы признаем существование поэтической ценности, мы признаем тем самым существование поэта - как онтологической величины; если мы признаем существование поэта, мы должны признать существование героя. Факт су-

ществования действительности, в которой есть мы и отсутствует герой, не отменяет проблему, а, напротив, делает ее актуальной.

Приведенный пример - исключение, потому что “произведений” такого уровня, как “Гамлет”, - единицы. Однако все, что мы утверждали относительно Гамлета, относится к любому, самому непритязательному, акту воображения: онтологически реально любое воображенное существо (предмет), потому что реален воображающий. Акт воображения непременно предполагает наличие онтологического плана. Воображающий обязательно становится тем, во что он себя воображает и, следовательно, превращает.

Мы, таким образом, также проявляя последовательность, приходим к выводу, что существуют факты, вынуждающие нас к тому, чтобы мы отдали себе отчет в своих представлениях о сфере нашего бытия. Это, так сказать, предварительное требование. Главное же состоит в том, чтобы уже упомянутые факты, а также аналогичные, о которых мы скажем в свое время, не были “подверстаны” к традиционным и исподволь сложившимся представлениям в сфере бытия, а были объяснены, онтологически оправданы в своем “неадаптированном” виде. Например, “Гамлет - поэтический вымысел Шекспира” - уловка, посредством которой мы избегаем неудобных вопросов. Гамлет как онтологическая реальность - факт, требующий пересмотра наших представлений о сфере нашего существования, поскольку традиционные представления отвергают притязания Гамлета на онтологический статус.

Итак, с учетом тех комментариев, которыми мы снабдили аналогию акта творения и акта воображения, можно считать ее корректной. Если это так, то акт сотворения мира (земли и неба) как акт превращения онтологически высшего субъекта в низшего возможен. Слову не нужен был “матерьялец”, поскольку те онтологические формы, совокупность которых осуществляет физический космос, есть Слово в его превращенном способе бытия.

§ 3. Превращенное бытие

Хотя превращенное бытие занимает в нашем существовании огромное место, в данной точке нашего рассуждения мы можем сказать о нем только “необходимое и достаточное”, но будем возвращаться к нему довольно часто, постепенно наращивая о нем знание.

Бытие Слова мы определяем как превращенное просто потому, что Слово действительно становится тем, во что оно себя превращает. Поскольку оно при этом перестает быть субъектом суверенного (не зависимого от существования того, кем оно становится) бытия, то теперешний способ его бытия и следует, на наш взгляд, определить как превращенный. Слово, как мы уже говорили, не перестает существовать, не прекращает своего бытия. Речь идет не о том, что космос сменил Слово, что теперь вместо Слова существует космос, но о том, что бытие Слова совершается через существование космоса, которое выступает здесь в качестве онтологического посредника.

Бытие Слова не перестает быть также “словесным”: тип его бытия остается прежним, изменяется его способ: из непосредственно словесного он становится превращенно-словесным. Телесное существование космоса, таким образом, осложняется функционально: осуществляя себя, он – своим непосредственно физическим существованием - совершает превращенно-словесное бытие Слова.

Итак, есть космос, в существовании которого, естественно, сомневаться не приходится. Космос, в одной онтологической перспективе, существует как суверенный субъект, осуществляемый физическими закономерностями; в другой онтологической перспективе он существует как творимый: физические закономерности суть практические формы активности словесных сверхзаконов. Они осуществляют Слово, но так как они активны не в прямой, а превращенной форме, то и субъект, ими осуществляемый, является субъектом превращенно-словесного бытия. Космос, таким образом (во второй онтологической перспективе), является субъектом творимого бытия, а Слово - творящего. Речь идет именно о бытии, а не о деятельности: Слово - субъект бытия, а не субъект деятельности. Таким образом, “творящее” и “превращенное” (бытие) суть синонимы. Одно уточнение: бытие Слова, учитывая сказанное выше, точнее определить не как превращенное, но как превращающееся (существование космоса - как превращаемое).

Подводя предварительный итог, скажем, что Слово можно определить как архитектонически организованную величину. Термин в том значении, в котором мы его теперь употребляем, впервые в отечественной науке использовал М. Бахтин (заимствовав его у А. Гильдербранда) в статье “Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве” (написана в 1924 г., опубликована в 1975 г.), противопоставив его термину “композиция”. Согласно его мысли, архитектоника и композиция – способы организации, структурирования. Первый - эстетического объекта, второй - внешнего произведения. Мы применяем термин “архитектоника” к словесному бытию с некоторыми коррективами непринципиального характера.

А именно, мы полагаем, что об архитектонике можно говорить тогда, когда “организуемыми” единицами являются (выступают) онтологические планы. Термин “композиция” как слишком специфический мы заменяем термином “тектонический” (более корректный для нашего материала). Космос организован тектонически, Слово - архитектонически. Космос однопланов в онтологическом отношении. Однопланность, конечно, не следует понимать как примитивность, элементарность (это, скорее, свойственно архитектонике): все “загадки космоса” сосредоточены в плане физического существования. Слово архитектонично, поскольку телесный (“космический”) план, который для космоса является всем бытием (поэтому термин “план” не является для него - в рассматриваемом сейчас онтологическом состоянии -актуальным), для Слова, действительно, лишь “план”: космос - “план” Слова. Некоторой “тонкостью” является следующее обстоятельство: мы, имея известное основание рассматривать космическое бытие как план словесного, не имеем такого основания говорить о “плане” бытия Слова как автономного относительно телесного. Утверждение: в одном плане осуществляется телесное, в другом - словесное бытие - неправильно. Но телесное и словесное соотносятся. Телесный план, исчерпывая бытие космоса, не исчерпывает бытия Слова. Оно, не вмещаясь в план телесно-космического существования, не образует и суверенного плана, в котором могло бы осуществлять в качестве собственно Слова.

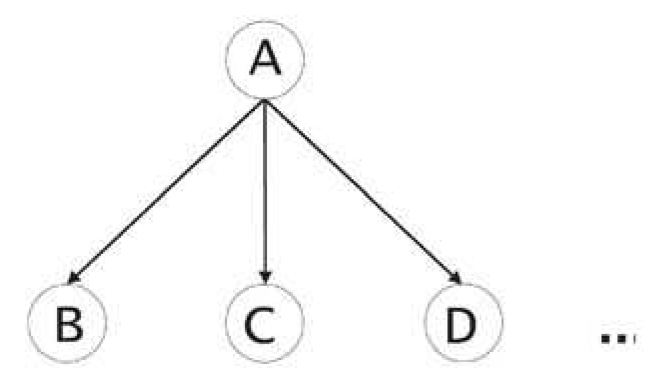
Это соображение проблематизирует архитектоничность Слова - не в отношении самого принципа организации, а относительно способа его практического осуществления. Мы полагаем, что в бытие Слова “встроен” бесконечно огромный телесный космос, который, по причине его творимости, должен быть имманентным бытию Слова. Однако, как мы говорили выше, космос, будучи в одном онтологическом плане сущей величиной, в другом является осуществляемой. Если воспользоваться терминами В.Гумбольдта, космос относительно Слова (как и Слово относительно космоса) есть не “эргон”, но “энергейя”.

Определяя особенности “культурной области”, М.Бахтин пишет, что “каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность...” Вместе с

тем у культурной области отсутствует “внутренняя территория”: "она вся расположена на границах, границы проходят всюду, через каждый момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни..."

М. Бахтин, мы считаем, определил особенности сферы вообще всего бытия. В этой ситуации, что совершенно очевидно, актуализируется проблема границы. Границы, которые проходят “всюду”, это не очень понятно. Попробуем прояснить это утверждение. Поскольку у нас речь идет о космосе - субъекте телесного бытия, мы имеем право говорить о его организации - тектонике. Тектонические отношения -это отношения внутри телесного плана, архитекотнические - отношения между телесным планом бытия и превращенно-словесным.

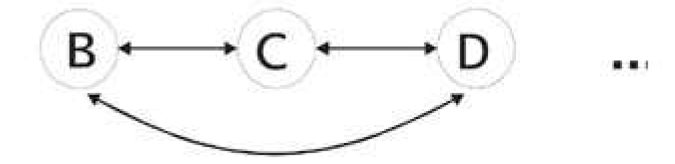
Прибегая к представлению вертикального и горизонтального типа связей, мы можем утверждать, что тектонические отношения суть горизонтальные, архитектонические - вертикальные. Графически это выглядит таким образом:

где Слово обозначено буквой А, компоненты космоса -буквами В, С, Д...

Границу, таким образом, мы должны предполагать между А и В, А и С, А и Д и т.д. Она, конечно, не должна мыслиться нами как черта, переходимая А - так, что до черты А есть А, после - В, С, Д... Граница - не черта, но событие перехода А в В, А в С и проч. В каждой ситуации перехода А не исчезает, уступая место В, С и т.д., но изменяет способ своего существования: А существует как В, как С, как Д... А, таким образом, с одной стороны, элемент схемы, с другой - вся схема.

Между В, С, Д и проч. возникают отношения - также на онтологической основе, но телесной: В, С, Д и проч. соотносятся между собой как тела. Схематически это выглядит

В горизонтальном плане В, С. Д и т.д. не разделяются никакой границей, а если и есть нечто, что можно принять за границу, то она принимает телесный вид (рамка, рампа...) и, следовательно, только указывает на границу. Но эта ситуация существует (и существует на самом деле) лишь в горизонтальном плане, но сам этот план формируется связью В, С, Д и проч., т.е. как результат, непрерывно достигаемый. В схеме, отражающей отношения в целом Слова, В, С, Д и т.д. соединяются между собой не непосредственно, но через по-

средство А: вАс, сАд, дАе и проч. (Переход с прописной буквы на строчную предпринят исключительно для более наглядного графического выделения Слова как универсального посредника.) Лишь при таком схематическом обозначении становится понятной идея соотношения Слова и космоса как творящего и творимого. В сфере существования космоса, т.е. в телесном онтологическом плане. В непосредственно примыкает к С (ВС), образуя сплошную телесную величину. В сфере бытия Слова В - не “сущее” но “осуществляющееся”: А соотносится с В как творящее с творимым, осуществляющее с осуществляемым. Один и тот же компонент В в горизонтальном типе связей - ВС - и вертикальном - АВ - не одна и та же величина: в горизонтальном типе связей В - сущее, в вертикальном - осуществляемое.

В телесном плане соотношение между его компонентами представляются таким образом:

В <–>С <–> Д <–> Е...,

в сфере онтологического целого таким:

вАс, сАд, дАе и т.д.

Таким образом, между В и С - граница, и граница эта -не некий онтологический “провал”, пустота, но Слово. Слово и существует как переход, как ситуация перехода.

Теперь возникает вопрос о том, что реально означают В, С, Д и проч. Естественно, они не означают (на нашей схеме) отдельные космические тела (звезды, планеты, кометы и под.), из которых “состоит” космос. Если мы представим две неделимые материальные величины (атомы Демокрита), то граница - А - проходит между ними. Представление об атоме как некотором материальном “массиве” является в рассматриваемом случае условным: мы условно представляем атом неделимым, т.е. опираемся в данной ситуации не на “физику”, а на “лингвистику”.

Архитектоника Слова, таким образом, будучи, с одной стороны, архитектоникой чего-то огромного, превосходящего своей огромностью космос, с другой - осуществляется на микроскопическом уровне. Это представление оправдывается соотнесением телесного и сверхтелесного (пространственного и сверхпространственного). Количество материи важно в материальном плане (горизонтальном типе отношений), для сверхматериального скорее важен факт физического существования, а не количество материи.

Лекция вторая

ОТ ФИЗИЧЕСКОГО КОСМОСА К ЧЕЛОВЕКУ

§ 1. События обратного превращения

Превратив себя в космос, Слово тем самым начинает осуществлять свой замысел: восстановление любви как востребованной ценности, и это событие предстает как осуществляемая потребность в любви как высшей ценности.

Мы говорили выше, что, превращая себя в космос, Слово не перестает существовать в качестве Слова, изменяется способ свершения его по-прежнему словесного бытия; из непосредственного он, однако, становится превращенным. То же и с содержанием превращенно-словесного бытия: любовь по-прежнему остается содержанием Слова, но также в превращенном виде. Физические закономерности, осуществляющие космос как физическое тело, будучи практическими формами осуществления превращенно-словесного бытия, являются тем самым практическими формами существования любви. То, что для Слова есть любовь, то для космоса есть нечто, что является превращенной формой любви. Мы сейчас не можем рассуждать о том, каково это содержание (возможно, гравитация), и вопрос, как уже сказано, не в установлении физического эквивалента любви, а в самом факте ее присутствия: как и Слово, она не уступает место другому содержанию, а существует в превращенном виде. Поэтому следует заметить, что хотя в телесном плане космос есть абсолютно физическая величина, но эта величина - превращенная форма бытия Слова, и эта форма в описываемой ситуации является только физической.

Проблема Слова состоит в восстановлении любви в ее непосредственной форме. Мы, конечно, не хотим сказать, что это относительно несложная проблема, поскольку речь идет “всего лишь” о восстановлении любви в ее непосредственной форме. Это “всего лишь” означает преобразование Слова из субъекта превращенного бытия в субъект непосредственного бытия.

Событие преобразования, как мы могли заметить, направлено в сторону, противоположную той, в которую был направлен акт превращения: если превращение Слова в космос условно определить как “перспективное”, то превращение Слова снова в себя следует определить как “ретроспективное”. Слово превращается в “обратную” сторону. Это соображение позволяет нам восстановление Словом своей непосредственной формы бытия (а также любви как “нормального” содержания бытия Слова) считать результатом обратного превращения.

В этом событии первенствующая роль принадлежит тому, в кого (первоначально “во что”) превращает себя Слово, т.е. космосу. Мы постоянно говорим о том, что Слово преследует цель восстановления любви как истинного содержания своего бытия. Однако Слово как герой нашего высказывания неадекватно, конечно, тому Слову, которое существует реально через своего онтологического посредника - физический космос. Превращенность - реальная онтологическая ситуация, в которой оно пребывает. Поэтому об отчетливом стремлении к достижению упомянутой цели речь не может идти. Мы описываем только онтологическую тенденцию, и выражения в роде “Слово стремится” обусловлены исключительно целью возможно ясного описания указанной тенденции.

Итак, с момента превращения Слова в физический космос начинается событие его превращенного бытия, и это событие оцелено: цель - восстановление непосредственной

(должной) формы словесного бытия. Следовательно, событие превращенного бытия есть событие "обратного" превращения, поскольку бытие Слова является "векторным", направленным. Так как Слово претерпело онтологическое изменение в акте превращения, восстановить свою первичную форму оно может в акте обратного превращения. Готовность Слова к свершению этого акта есть, собственно говоря, готовность космоса к этому свершению, поскольку превращенность - реальное онтологическое состояние Слова, реальная ситуация, в которой оно пребывает.

Событие обратного превращения - не мгновенный акт, а долгий путь онтологического самопреобразования Слова, событие формирования субъекта, для которого любовь является такой же потребностью, как и для Слова. Этот субъект - человек. Наша цель, в частности, состоит в описании человека как субъекта, способного не только почувствовать потребность в любви как высшей и в то же время нормальной для себя ценности (отвечающей "норме" человеческого бытия), но и способного совершить акт обратного превращения с ожидаемым результатом.

Космос, с одной стороны, - пассивное в онтологическом отношении существо, не обладающее онтологической инициативой. Однако, будучи превращенной формой бытия Слова, он оказывается тем самым превращенной формой бытия такого субъекта, который такой инициативой обладает.

Слово, будучи субъектом превращенного бытия, тем самым является субъектом конфликтного бытия. Конфликтность является свойством превращенного бытия "по определению" - по причине противостояния непосредственного бытия как должного и превращенного как наличного. Конфликтное состояние бытия Слова начинается одновременно с превращенным, и его конфликтность есть причина того, что превращенное бытие оказывается не только состоянием, но и событием бытия Слова. Конфликт приводит в состояние активности Слово, активность которого направляется на разрешение конфликта.

Событие превращенного бытия Слова, с одной стороны, - "переживание" конфликтного состояния, с другой -совокупность постоянно предпринимаемых попыток его разрешения. Это событие приводит к результатам онтологического характера: космос преобразуется в субъекта сначала растительного, а затем органического (животного) существования. Слово, таким образом, постепенно формирует субъекта, способного разрешить конфликт.

Появление жизни на Земле обычно трактуется как результат благоприятных условий, сложившихся на нашей планете благодаря оптимальному расстоянию до Солнца. В этой гипотезе, однако, отсутствует представление о коренной (последней) причине, этот факт обосновывающей. Появление жизни на Земле предстает как факт, для которого post factum подыскивается причина. Раз жизнь возникла, должна же быть какая-то причина.

Гипотеза появления жизни вследствие благоприятных условий неудовлетворительна также и в чисто фактическом отношении. Космос осуществляется, и это допущение является совершенно естественным, физическими закономерностями, эти закономерности тотальны для космоса как физического тела. Телесность и есть основа онтологического единства космоса. Тотальность физических закономерностей, актуальных для космоса как субъекта телесного существования и является тем условием, которое требует принципиально иного объяснения возникновения сначала растительной, а затем органической формы существования, чем традиционно предполагается. Нужно объяснить, почему физические закономерности вдруг "расступились" и дали место растительной закономерности. Что их к этому подвигло?

Разумеется, это вопрос риторический, потому что растения на Земле появились не потому, что физические закономерности “поделились” сферой своей активности с растительными, а потому, что космос становится субъектом высшего по сравнению с физическим существования -растительного. Дело, таким образом, не в каких-то “лакунах”, в которых могут сложиться условия для онтологических аномалий, вследствие чего возникает высшая форма существования, но в онтологическом статусе космоса: из физического он становится растительным. Бытие космоса, продолжая оставаться по типу телесным, переходит в более высокую его разновидность.

Но здесь также возникает вопрос: каким же образом и вдруг, в одночасье космос стал растительным? - Мы в предыдущей главе выяснили, что только в телесном плане космос является абсолютно, беспримесно телесным существом, однако его телесное существование есть - в другом онтологическом плане - превращенная форма бытия Слова. Несколько огрубляя, скажем: первичным и даже абсолютным субъектом бытия является Слово (космос - специфическое его состояние), бытие которого осуществляется как событие, направленное на разрешение конфликта между наличной и должной формами. Слово, превратив себя в телесный космос, как бы предельно унизилось в онтологическом отношении: те закономерности, в какие оно способно превращаться, характеризуют его собственное онтологическое состояние. Однако Слово является субъектом события такого бытия, которое обладает целью, и цель его состоит в том, чтобы овладеть любовью как своим содержанием. “Овладеть” в данной ситуации означает восстановить любовь: из превращенной сделать ее снова непосредственной. Естественно, этот результат не может быть достигнут мгновенным или кратким онтологическим напряжением. Слово, имея в виду конечную цель восстановить свою исходную непосредственную форму, должно создать такого субъекта, для которого конфликт Слова практически существует как его конфликт. И тут мы должны предположить известную стадиальность в формировании такого субъекта. Первая стадия - космос физический, вторая - космос растительный, третья - космос органический. На этой стадии завершается телесный цикл и следует переход к сверхтелесному.

Здесь мы должны вспомнить о том, каким образом космос соотносится со Словом: в телесном плане существует космос как сплошное тело (как пространственно-временная величина), в плане целого эта величина является онтологически “дискретной”: атом (неделимое) - не сущее, но осуществляющееся, каждый атом - ситуация перехода Слова в материю. Эта ситуация и является таким “местом”, в котором Слово может “перейти” от превращения в атом к превращению в растительную клетку.

Выдвигая это предположение, мы опираемся на ранее сформулированное положение о Слове как субъекте “векторного” бытия. Слово не “управляет” космосом, а само им в определенном отношении является. Слово может онтологически “продвинуть” космос только в том случае, если само добьется определенного онтологического успеха: только Слово, “продвинутое” в онтологическом плане, может превращать свои сверхзаконы в растительные закономерности. Слово, формируя субъекта, способного совершить акт обратного превращения, само должно, продолжая быть Словом, продвигаться онтологически, а это сопряжено с преодолением своего актуального онтологического состояния. Телесный космос может оказывать “тупое” (пассивное) онтологическое сопротивление преобразованию Слова из превращенно-физического состояния в превращенно-растительное. Слово в предшествующем своем онтологическом состоянии могло превращать себя только в физические закономерности, и эта его способность превращаться в растительные закономерности свидетельствует о том, что оно само становится субъектом более высокого - в пределах словесного - бытия (как более высокий “вид” словесного типа существования). Любовь, продолжая оставаться в превращенном виде, этот вид также делает более высоким (от взаимного притяжения тел к опылению).

Итак, космос становится субъектом растительного бытия потому, что Слово продвинулось в онтологическом отношении, а это, в свою очередь, стало следствием его успеха в событии обратного превращения любви: физический эквивалент ее превращенного состояния сменился растительным (а растительный - животным).

Теперь нам остается дать более или менее правдоподобное объяснение тому факту, что растительный тип существования встречается в развитом виде на Земле, тогда как другие космические тела продолжают оставаться физическими. Можно ли в этом случае утверждать, что космос как субъект телесного бытия является “растительным”? - Разумеется. Речь ведь идет не о том, что космос из физического тела превращается в гигантское растение. От того, например, что человек обладает сознанием, он не становится сплошным мозгом. Мозг вообще занимает достаточно скромное место в человеческом теле. Он становится субъектом более сложного в качественном отношении бытия. Космос -тот субъект, в которого превратило себя Слово, и этот субъект является единственным: Слово превращает себя не во множество субъектов телесного бытия, но только в космос -бесконечно огромное физическое тело. И только оно может совершить онтологическое восхождение от физического существа в растительное и далее.

Поэтому, с одной стороны, т.е. в телесном плане, ситуация такова, что на отдельной планете Земля появились растения, и этому благоприятствовали определенные условия, в частности, оптимальное расстояние до Солнца. В плане целого появление растительности есть следствие проявления “растительности” как онтологического статуса космоса. Растения на Земле появились потому, что Слово становится способным превращать себя в растительные формы существования, и это следует рассматривать как

§ 2. Происхождение человека

О происхождении животной (органической) формы существования следует сказать то же, что мы сказали относительно растительной: Слово продвигается в своем превращенно-словесном онтологическом состоянии, фиксируемым результатом чего является совокупность биологических закономерностей. Слово превращает себя в телесную закономерность более высокого вида по сравнению с растительной, - органическую. Космос становится органическим - субъектом, существование которого совершается органическими закономерностями. Проявляется это в том, что на планете Земля возникают организмы и постепенно образуется животный мир. Вопрос не в том, есть ли жизнь в космосе, а в том, что “сам” космос - субъект бытия, эволюционировавшего от растительного в органический.

После органической стадии существования космоса, которая является высшей из телесных форм существования, космос вступает в следующую стадию своего онтологического развития - “человеческую”. Это означает, что космос превышает свою телесность и становится субъектом, бытие которого осуществляют языковые формы. Теоретически человек является одним из вариантов превращенно-языкового бытия, но так как в настоящее время и для нас она является единственной, то между “превращенно-языковои” и “человеческой” формами бытия можно поставить пока знак равенства. Итак, по причине достижения космосом превращенно-языковои формы бытия на Земле появились (“произошли”) люди. Причина появления отдельных субъектов такого существования, которое мы определяем как “человеческое”, та же, что и прежде нами указываемая: космос стал Космосом, субъектом превращенно-языкового (превращенно-человеческого) бытия.

Слово, таким образом, становится субъектом, бытие которого в архитектоническом отношении становится трехпланным: словесным, языковым, телесным (также существующим в трех разновидностях: физической, растительной, органической). Слово превращает себя в совокупность законов языка, осуществляющих Космос. Он становится, таким образом, субъектом сверхтелесного бытия. Однако на этой стадии бытия Космос не может реализовать свою сверхтелесность должным образом, т.е. стать субъектом непосредственно языкового бытия. Поскольку преодолеть свою телесность он не может, не может и отказаться от нее, он становится, как и Слово, субъектом превращенного, но не “словесного”, а “языкового” бытия, В качестве субъекта превращенно-языкового бытия Космос не “наращивает” свое телесное бытие сверхтелесными формами, но - в качестве субъекта сверхтелесного бытия - превращает свои языковые законы в совокупность телесных закономерностей, осуществляющих его как тело. Космос становится архитектонически организованной величиной, т.е. двупланной в онтологическом отношении: будучи субъектом телесного существования в одном плане, Космос тем самым осуществляет превращенным образом себя как субъекта языкового бытия.

Таким образом, Космос овладевает собой как телесным существом. Законы языка, являющиеся первичными законами его бытия, могут быть актуальными лишь в превращенном виде, т.е. превращая себя в совокупность бесконечно разнообразных телесных закономерностей. Теперь не Слово непосредственно превращает себя в телесные формы существования, а язык.

Подобно тому, как Космос только через существование растений, а затем животных проявлял качество своего (космического) бытия как растительного и органического, так и “человеческое” качество своего бытия он проявляет через существование человека как субъекта превращенно-языкового бытия.

Первичным субъектом языкового (=человеческого) бытия является Космос, достигший этого онтологического статуса, а телесные люди суть превращенные формы существования этого человеческого субъекта. “Человеком” Космос является не потому, что мы его уподобляем человеку, а в самом точном значении этого понятия: Космос - субъект языкового и тем самым человеческого бытия. Поскольку это бытие, будучи сверхтелесным, не может осуществляться непосредственно, оно осуществляется превращенным образом. Среди прочих органических тел появляется телесный человек, который соотносится с тем, кто в него превратил себя (творцом) иначе, чем прочие телесные существа.

Чтобы прояснить это различие, мы воспользуемся традиционным, но не очень популярным, понятием “внутренняя форма”. Тогда телесный план существования Космоса определится как его внешняя форма. Относительно любого телесного существа Космос как субъект превращенно-языкового бытия определяется как его внутренняя форма. Обобщая, можно сказать, что телесный космос имманентен языковому (человеческому) Космосу, и этот Космос является внутренней формой телесного.

Человек в своей телесной ипостаси не отличается от животного, поскольку по отношению к нему языковой Космос определяется как его внутренняя форма. Коренное отличие состоит в том, что человек владеет внутренней формой, т.е. он не только “может” быть, но и на самом деле является субъектом, бытие которого - как человеческое - осуществляется во внутренней форме.

Итак, внешний (телесный) человек - это существо, в которое превращает себя субъект человеческого (превращенно-языкового) бытия. М. Бахтин выдвинул понятие “целое человека”, и оно весьма точно отражает ту величину, которая является субъектом человеческо-

го бытия. Человек является такой онтологической величиной, для характеристики которой мы должны обратиться к термину “архитектоника”. Человек - двупланное в онтологическом смысле существо, и его организация является “двухуровневой”. Первый уровень - телесный, который достаточно хорошо исследован, и свое телесное строение человек представляет вполне удовлетворительно. Однако, как мы уже говорили, человек является субъектом превращенно-языкового бытия, а “превращенно-языковое” не то же самое, что “телесное”.

Телесный человек - существо, в которое превращает себя целое человека, и не имея представления о том, кто себя превращает в телесного человека (и им становится), мы, конечно, не должны думать, что знаем человека.

Что мы знаем? - Мы знаем, чем является человек в телесном плане его существования, т.е. знаем “феноменального человека”. Однако это знание убеждает нас в том, что человек - всего лишь некоторая разновидность животного. С этим мы, естественно, не можем согласиться, поскольку это фактически неверно. Пытаясь понять, чем человек отличается от животного, мы обычно указываем на его способность говорить и, следовательно, мыслить. Человек, иначе говоря, отличается от животного сознанием. При этом мы представляем человека как телесное существо, и его “человеческие” способности мыслим как некоторую совокупность функций, которые ему “присущи”. Разумеется, такое представление вполне неудовлетворительно. Главное противоречие: мы допускаем возможность свершения сверхтелесных деяний, внетелесных по своей природе, как осуществляемых в телесной действительности.

Телесный человек, как и телесный космос, “вткан” в целое человека, т.е. субъекта превращенно-языкового бытия, и из представления о целом человека следует исходить, предпринимая попытку понять, что такое человек. Мы утверждали, что человек - двупланная онтологическая величина, следовательно, принцип его организации - не тектоника, но архитектоника (поэтому, кстати, и невозможно клонирование человека): нам следует выяснить не только то, как человек “устроен” в телесном плане, но и как соотносятся

сами онтологические планы. Это тем более важно, что человек и есть тот субъект, который своим бытием осуществляет связь космоса и Космоса. Космос - в его описываемом состоянии, субъект двупланного бытия. Теоретически мы знаем, что эти планы соотносятся как творящий и творимый, или, прибегая к пространственной аналогии, по вертикали. Однако возникает вопрос: где эти отношения осуществляются? - И на этот вопрос следует ответить: в человеке. Своим "человеческим" бытием человек и осуществляет связь телесного и языкового.

Тип бытия, который мы сейчас характеризуем, человеку знаком опытно как нельзя короче. Он становится субъектом такого бытия, тогда, когда в кого-либо (что-либо) воображается. Человек считает себя воображающим только тогда, когда событие воображения совершается в определенно выраженных формах. Но человек постоянно находится в данном онтологическом состоянии, оно ему свойственно, поэтому привычно, онтологически комфортно.

Воображая что-либо, человек становится этим существом, предметом, событием и проч. Акт воображения обязательно предполагает онтологический план, и в этом плане воображающий действительно (онтологически ответственно) становится воображаемым. Как воображающий (как внутренняя форма воображаемого) он и становится субъектом превращенно-человеческого бытия. Целое человека осуществляется законами языка, но так как они активны только в превращенном виде, то человек в настоящее время является субъек-

том превращенно-языкового бытия. Это означает: законы языка превращают себя в телесные закономерности, осуществляющие телесного человека. Телесный человек - существо, в которое превращает себя целое человека. В своем превращенном состоянии человек является телом, а это состояние поддерживается тем телесные планом, который свойствен Космосу (присущ его архитектонике), телесность со временем оказывается наиболее активным аспектом человеческого бытия. Настолько активным, что в настоящее время человек полагает его единственным, а отличие от животного ищет в функциональном (“деятельностном”) плане.

Однако независимо от того, что человек о себе думает, его онтологическая активность продолжается, и он не позволяет себе сосредоточиться в телесном плане, уйти в этот план и в нем “локализоваться”. Акт воображения и является той практической формой, которая не дает человеку возможности стать вполне телесным существом. Воображая себя в кого-то или что-то и в него превращаясь, воображающий “содержит” воображенное в своем бытии. Воображенное является, таким образом, внешним содержанием бытия воображающего. То, что человек вообразил и, что существенно, тот онтологический контекст, в котором воображенное пребывает, имманентны бытию воображающего. Мы, следовательно, как бы “за” телесным существом фиксируем другого субъекта, относительно которого можно утверждать, что воображенное имманентно его бытию.

Мы начинаем с негативного утверждения: телесный человек онтологически нетождествен с целым человека. Основание: человек может то, что не “может мочь” телесный человек. Телесному человеку ничто не может быть имманентным. Но поскольку акт воображения удостоверяет факт, что воображенное имманентно воображающему, мы должны сделать вывод, что телесный человек и воображающий человек не являются одним субъектом, хотя, конечно, находятся в таких онтологических отношениях, которые говорят об их онтологической зависимости.

То, что воображаемое имманентно воображающему, наталкивает нас на вывод, что воображающий осуществляется в такой сфере, которая способна его осуществить. Телесная сфера, в которой существует телесный человек, воображающего осуществить не в состоянии, однако это не мешает воображающему осуществляться. Сфера, которая осуществляет бытие воображающего, это сфера бытия Космоса как субъекта превращенно-языкового бытия.

§ 3. Происхождение языка

Потребность в языке как средстве общения появилась, конечно, сразу же, как появился телесный человек. Мы полагаем, что человек постепенно укреплял свои жизненные (телесные) позиции. Если представить это событие графически, как соотношение вертикальной и горизонтальной форм связи, то вначале преобладал вертикальный тип, и лишь по мере "о-телеснивания" человека горизонтальный становится преобладающим - в количественном отношении. И тогда человеку становится необходимым язык не в качестве онтологической формы, а в качестве средства общения.

Почему ему нужен язык? Потому, что в границах телесной действительности он является телесным существом, но вместе с тем он - как человек - телесным не является. Телесность - это его состояние, состояние недолжное, но обусловленное такими причинами, которые не могут быть устранены без изменения самого человека. Человек-Космос превращает себя в совокупность телесных людей и ей становится. Если человек и человек общаются в

телесной действительности, язык им не нужен: им достаточно биологического инстинкта. Язык необходим не телесному человеку, а тому кто превратил себя в него. Эта необходимость

имеет ясно выраженный онтологический характер: человек воображает себя в того, о ком он высказывается и таким образом становится субъектом превращенно-языкового бытия.

Хотя язык действительно исполняет функцию общения, он осуществляет - благодаря потребности “что-то сказать” -функцию, более существенную для человека - функцию освоения разнообразных форм телесного бытия.

Воображаясь, человек переживает, онтологически о-сваивает, у-родняет различные (в пределе - все) формы телесного существования. Тем самым человек осуществляет цель Космоса - освоить себя самого, т.е. овладеть своим языковым бытием. Космос, как мы говорили, становится “человеческим”, а это значит, что человеческий - не один из предположительно четырех (физический, растительный, органический и человеческий) типов существования, а единый человеческий.

Став телесным, человек тем самым действительно становится специфическим субъектом существования и в качестве такового принимает участие в общем существовании, вступая с другими телесными существами в жизненный (“горизонтальный”) тип отношений. Языковой тип общения необходим Космосу именно в целях овладения языковым бытием. Человек, высказываясь о различных предметах (а “репертуар” этих предметов очень разнообразен и постоянно пополняется), человек по условию осуществления события высказывания воображает и превращает себя в них, т.е. овладевает опытом того, о ком (и даже о чем) он высказывается. Тем самым человек преодолевает свою телесную специфичность: из субъекта специфически телесного существования он становится, во-первых, опытно знающим различные формы телесного существования (растений, зверей, птиц, насекомых и проч.), во-вторых, владеющим первичной относительно всех этих форм телесного существования (не исключая и своей собственной) формой бытия - языковой.

Это обстоятельство нельзя недооценивать, поскольку оно разрешает некоторые сомнения, здесь естественно возникающие. Язык как форма общения настолько нам известен опытно, практически, мы пользуемся им настолько привычно и естественно, что принимаем мысль о значении и величии языка как бы несколько отстраненно, словно речь идет не о том языке, на котором мы постоянно общаемся, но о каком-то “языке”, и вот он-то и является “великим и могучим”.

Мысль, что человек, говоря о каком-либо предмете - как герое своего высказывания - тем самым (без всяких дополнительных усилий) уже его “знает”, представляется немного романтической. Согласно развиваемой точке зрения, человек, говорящий “обо всем”, “все это” знает. Более того, форма его знания более высокая: он знает предмет, о котором говорит, онтологически - потому, что сам им является. Это соображение вызывает вполне понятное скептическое отношение, которое мы сейчас попытаемся хотя бы отчасти рассеять.

Человек не рождается с биологическим влечением к знанию языка. Животному (биологическому) человеку язык нужен ровно столько же, сколько и другим животным, т.е. вовсе не нужен. Поэтому человек научается говорить, и родители учат детей говорить. Поскольку у человека нет природного знания языка, можно сказать, что он переходит от незнания к знанию (от неумения говорить к умению). Это, конечно, не тот тип знания, который приобретают в школе и вузе. Знание родного языка обычно называют практическим, имея

в виду, что человек немедленно начинает им пользоваться - по причине не только внешней, но и внутренней необходимости - разговор с самим собой или с воображаемым собеседником (удельный вес внутренней речи весьма велик).

Практическим способ овладения родным языком называют также и потому, что в ситуации обучения совершенно отсутствует “теоретическая составляющая”. Ребенка знакомят, как представляется, со значением слова: родитель, указывая пальцем, говорит: "Это береза, а это камень." Что делает ребенок, точнее, что с ним делается, когда он узнает, что это -береза, а это - камень? Естественный ответ: он запоминает. Ответ, конечно, правильный, но недостаточный, поскольку предполагает, что ребенок запоминает значение слова точно так, как взрослый запоминает какую-нибудь нужную информацию. Чтобы выяснить, какая внутренняя “работа” происходит в ребенке, которого учат родному языку, проведем аналогию с ситуацией Адама, нарекающего зверей и птиц.

“19. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.

20. И нарек человек имена веем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...” (Быт.. 2, 19-20).

Сторонники гипотезы божественного происхождения языка опираются на это свидетельство Библии. Действительно, согласно священной книге, первые слова произнес Адам, и это были имена зверей полевых и птиц небесных. Наречение Адамом животных может выглядеть как выдумывание имен, говорящее о значительной одаренности Адама, поскольку нужно было изобретать звуки, не существующие природным образом. Однако являются ли они придуманными, искусственными, специально скомбинированными первым человеком, чтобы составить из них столько имен, сколько было нарекаемых существ?

Мы полагаем, что в ситуации наречения имен Бог учил Адама быть человеком, т.е. существом, подобным ему. Называя имена тварей, Адам расширял свой онтологический опыт, овладевая различными формами животного (тварного) существования. Как ни элементарен для человека и как ни привычен для него акт воображения, это, тем не менее, творческий акт, аналогичный акту творения мира. Речь, естественно, идет не о масштабе, но о приниципе.

Адам воображает себя в то животное, которое он воспринимает “телесными очами”. Он, таким образом, делает некоторое онтологическое усилие. Состоит оно в том, что Адам из телесного субъекта становится языковым. Как воображающий, он является субъектом сверхживотного существования. Как субъект языкового бытия, он превращает себя в телесное существо - то животное, которое он созерцает как телесный человек. Воображение - творческий акт в том смысле, что законы языка, осуществляющие воображающего Адама, превращаются в совокупность телесных закономерностей, осуществляющих животное.

Этот Адам не нуждается ни в какой речи. В ней не нуждается ни телесный, ни языковой Адам (на разных, конечно, основаниях), в ней нуждается Адам, существующий в превращенно-языковой форме.

Ребенок, как и Адам, воображает себя в тот предмет, на который указывает ему взрослый, и им становится. Он, таким образом, оказывается субъектом превращенно-языкового бытия. Можно сказать, что в этой ситуации человек (ребенок) овладевает опытом человече-

ского бытия: из телесного существа становится языковым. Законы языка он “знает” опытно (онтологически): они становятся законами его существования. Эти законы превращаются в совокупность телесных закономерностей, осуществляющих предмет, имя которого ребенок узнает от взрослого (“береза”).

Ребенок, таким образом, оказывается в ситуации творца по отношению к тому предмету, который он вообразил, т.е. себя воплотил в этот предмет, “свои” (осуществляющие его) законы языка превратил в телесные закономерности и - "стал тем, кого (или что) они осуществляют. Ребенок оказывается в той самой ситуации по отношению к воображаемой величине, в которой пребывает Творец относительно него самого как сотворенного - того, в кого превратил себя Творец и им стал. Это и есть та ситуация, в которой человек является “образом и подобием” Бога.

Событие воображения - это событие бытия во всех своих “эпизодах”: а) ребенок из телесного становится языковым; б) как субъект языкового бытия, он превращает себя в тот предмет, на который ему указывает взрослый, и им становится; в) будучи этим предметом, ребенок тем самым становится субъектом бытия, осуществляемого закономерностями, в которые он превратил законы языка. Береза становится для него “родным” существом, а звук - таким, которому “без волненья внимать невозможно”.

Возвратимся к ситуации нарекания Адамом имен, поскольку это фундаментальная ситуация. Воображаясь в животное, Адам становится единым в трех лицах: а) исходным Адамом; б) субъектом превращение-языкового бытия; в) животным, в которое он себя превратил. Языковой Адам -внутренняя форма животного - тот, кто превратил себя в животное. Животное, будучи субъектом самоценного природного существования для себя, становится тем самым практической формой существования воображающего Адама. Внутренняя форма Адама как воображающего актуализируется, приходит в активное состояние. В такое же состояние она приводит и внешнего (телесного) Адама.

Активность внутренней формы Адама отражается на онтологической активности телесного Адама. Его языковое бытие, которое в одном плане приводит к появлению животного (воображаемого), в другом плане - в направлении к телесному Адаму - приводит к телесной реакции на свое внутреннее бытие. Активность внутренней формы Адама отражается на телесном Адаме. Его телесный состав приходит в состояние онтологической активности. Внешние формы его существования, совокупность телесных закономерностей, осуществляющих внешнего Адама приходит в состояние некоторого возбуждения, активности онтологического (не “деятельностного”) характера.

Конечно, телесный состав реагирует различным образом: анатомическое строение человека претерпевает, по-видимому, минимальные изменения. Физиологический состав

человеческого организма реагирует более чутко. Эти реакции суть события, являющиеся внутрителесными, т.е. могущими иметь и не иметь внешнего выражения, следовательно, они могут быть фиксированными и не могут. Один из способов реакции имел колоссальные последствия. Легкие и голосовые связки, взаимодействуя, производят акустический комплекс (акустическое событие). Языковое событие, преобразуемое телесными формами в телесное событие, приводят к разнообразным внутрителесным ситуациям (реагирует и сердце, печень...). “Внутрителесное” событие, получившее (внешнее) выражение, образует акустическое событие, которое является также по-своему правильным, обоснованным событием. Акустические закономерности суть закономерности, “изоморфные” внутренним.

То сочетание звуков, которое “издается” Адамом, есть одно из следствий события воображающего (авторского) бытия Адама, которое он осуществляет в ситуации нарекания животных. Это “звукосочетание” и есть “имя” животного (точнее, таким оно станет впоследствии, но Библия описывает всю ситуацию, осуществляющуюся в течение, может быть, веков, в сжатом виде).

Таким образом, можно утверждать, что акустическая закономерность осуществляющаяся в данном звукосочетании, является изоморфной тем законам, совокупность которых совершает воображающее (авторское) бытие Адама. Онтологическое состояние первого человека в направлении к животному преобразуется в акт воображения (превращая Адама в нарекаемое животное); в направлении к телесному Адаму - в совокупность микрособытий, приводящих тело Адама в состоянию биологической активности. Эти события так же закономерны, как событие превращенного бытия Адама, осуществляемое законами языка. Языковые законы преобразуются в совокупность телесных закономерностей во “внутрителесном” плане и совокупность акустических закономерностей - во внетелесном.

Телесные закономерности, осуществляющие в одной онтологической перспективе животное, в другой -акустический комплекс, суть два способа превращенной формы активности законов языка, осуществляющих Адама-воображающего. С известными оговорками можно сказать, что закономерности, осуществляющие животное, и закономерности, осуществляющие акустическое событие (“имя” животного), суть изоморфные закономерности. Отсюда вывод: определенные основания для того, чтобы слово, означающее некий предмет, считать оправданным: у совокупности звуков, которая затем была ассоциирована с животным и осознана как его имя (“значение слова”) есть связь с обозначаемым животным. Эта связь, конечно, не непосредственная: можно утверждать, что между ними вообще нет никакой связи в традиционном смысле слова, поскольку то, что в телесной действительности Адама есть звуковой комплекс, то самое во внутреннем мире Адама (фабульной действительности, точнее) есть животное, о котором только мы знаем, что оно воображено. То, что в телесной действительности Адама превращается в звуковой комплекс, то в жизненной действительности, воображенной Адамом (воображенное им животное существует в некотором пространстве), превращается в животное. Закономерности, осуществляющие то и другое, изоморфны, поскольку представляют два варианта превращения одних и тех же законов - законов языка, осуществляющих Адама-автора.

Таким образом, язык осуществляет две функции: онтологическую и коммуникативную. Вертикальный тип связи делает актуальной первую, горизонтальный - вторую.

Лекция третья

ОТ ЧЕЛОВЕКА К СЛОВУ

§ 1. Иисус Христос

Обычной для человека формой его существования в настоящее время является языковая, т.е. человек осуществляется как субъект превращенно-языкового бытия. Однако сама возможность для человека быть субъектом бытия, осуществляемого “словесными” формами (например, поэтическое и вообще эстетическое бытие) свидетельствует, что Космос претерпел такое онтологическое изменение, которое превратила его из субъекта превращенно-языкового в субъекта превращенно-словесного бытия. Его бытие, таким образом, оказывается типологически сходным с бытием Слова.

Поскольку соотношение между Словом и Космосом по-прежнему остаются отношениями “творящий - творимый”, Космос продолжает быть превращенной формой бытия Слова. Поэтому в перспективе “от Слова” он является онтологически несамостоятельным субъектом: у него нет причины бытия, не зависимой от Слова, он существует как творимый.

Превращая себя в субъекта словесного бытия, Слово вплотную приближается к цели своего превращенного бытия. Цель эта, как мы знаем, состоит в том, чтобы освоить свое бытие, т.е. стать его “виновником”, причиной, пересоздать себя (не изменить, но воспроизвести). То, что мы описывали в предшествующих лекциях, и есть событие создавания Словом самого себя. Превратив себя в субъекта словесного по типу бытия, Слово создает ситуацию, в которой акт обратного превращения становится сначала возможным, а со временем и необходимым.

Событие обратного превращения должно завершиться актом обратного превращения. Событие обратного превращения началось с момента превращения Слова в физический космос, и постепенно формировало такого субъекта, и для которого любовь была бы, с одной стороны, высшей ценностью, с другой - должным, следовательно, “нормальным” содержанием его бытия. В той ситуации, в которой пребывает Космос, любовь является настоятельной потребностью для него. Чтобы эту потребность удовлетворить, ему нужно превозмочь сопротивление формы бытия, для которой высшей ценностью является жизнь. Разумеется, преодоление жизни как формы существования не является самоцелью. “Преодоление”, вообще говоря, - отрицательное событие. Тут же важно положительное стремление. Очень точно выражается М. Бахтин, когда говорит, что автор преодолевает слово “положительно”, т.е. “в его собственном напралении”. Таким - положительным - образом Космос преодолевает жизнь как высшую форму телесного бытия и себя самого как субъекта жизни.

То, что для Слова является актом обратного превращения (событием “возвращения”), то для Космоса - актом превращения в высшее относительно себя существо: Космос превращает себя в Слово. Превращая себя в Слово, Космос онтологически с ним совмещается, и это является причиной преодоления превращенного состояния Слова, поскольку

Космос преодолевает свое превращенное состояние. Слово становится “содержанием” бытия Космоса, и это оказывается причиной изменения формы: превращенно-словесная форма бытия Космоса становится непосредственно словесной. Космос становится Словом, а Слово - самим собой. Слово есть любовь; превращая себя в Слово, Космос превращает себя в любовь и только таким образом ей овладевает.

Первым человеком, для которого любовь становится содержанием его бытия, был Иисус Христос. “Феноменальный” Христос был своего рода проявлением такого состояния Слова, когда оно может превратить себя в себе подобное существо. Христос-Космос становится способным совершить акт обратного превращения, и он уже начался - два тысячелетия назад на Голгофе. Осуществляя себя посредством существования Христа-Космоса, Слово переживает “христианскую” стадию своего бытия А это значит, что содержанием его бытия является любовь. Любовь, конечно, не как актуальное состояние Христа-Космоса, но как становящееся. Космос совершает акт обратного превращения, прообраз которого дан в подвиге “исторического” Иисуса Христа. То, что произошло на Голгофе, переживает в настоящее время Христос-Космос.

“Христианский мир” - сфера бытия, содержанием которой является любовь, стремящаяся превращенную форму своего осуществления сделать непосредственной. Это событие обостряет онтологический конфликт Христа-Космоса. Когда человек не знал опыта любовного бытия, он не пребывал в открытом конфликте с самим собой как субъектом телесного существования - по причине онтологического неведения. Но онтологическая среда, в которой существует “христианин”, такова, что человек своим непосредственным существованием, не сориентированном намеренно, оказывается или сторонником или противником любви как высшей человеческой ценности. Его личное бытие или укрепляет архитектонику “христианского мира” или ее разрушает. Возможно, в настоящее время происходит наиболе интенсивная поляризация этой сферы.

Цель человека - достичь своей онтологической нормы(“меры”), а это значит: его цель - стать человеком, т.е. из субъекта превращение-человеческого бытия стать субъектом непосредственно человеческого бытия. На один из последних вопросов(почему-то “проклятых”): “Куда мы идем?” - можно ответить так: мы идем к тому, чтобы стать субъектом по-настоящему человеческого бытия, подразумевая под этим онтологическую (непосредственно словесную) форму, а не “социально-экономические условия”. Для этого человеку нужно преодолеть жизненную форму существования, удерживающую его в телесной действительности. Иисус говорит: “Я победил мир”. Это означает, я превозмог жизненные ценности и самую главную из них - жизнь. Искушения Христа в пустыне имеют жизненный характер, а сам он наказывает Агасфера вечной - в дурном смысле слова - жизнью, отлучая его тем самым от сверхжизненных, т.е. человеческих, ценностей.

Мучения Христа - это мучения, претерпеваемые человеком, достигающим - в акте обратного превращения -формы, способной осуществлять любовь как содержание своего бытия. Мучения Христа - мучения формы, преобразуемой для того, чтобы она могла содержать и осуществлять любовь.

Крестные муки, претерпеваемые Христом, претерпевает теперь Космос. Поскольку он является субъектом превращенного бытия, то его муки получают жизненную форму. Наше внимание, естественно, приковывают те страдания, которые испытывает и человечество в целом и огромное число конкретных людей, и мы постоянно упрекаем Творца за то, что он создал такой мир, в котором невозможно “человеческое” существование. И после этого как можно, дескать, заявлять, что Христос есть любовь, и жить во Христе значит жить в любви. Мир (телесный космос) преобразуется любовью, а преобразование - событие, болезненное и даже мучительное для преобразуемого. Мы сосредоточены на своих страданиях, и теряемся в догадках, как может Иисус Христос все терпеть, глядя на наши страдания и нам, несомненно, сострадая. Но Христос-Космос и есть первый страдалец, а человеческие муки - превращенная форма страданий Христа.

Слово переживает “христианскую” стадию своего существования. Подвиг Христа не завершен. Эта такой период существования человечества, который, по-видимому, наиболее трагичен в его истории, поскольку выяснилось, что человек может стать и быть субъектом любовного бытия. Поэтому “мир” (в религиозном значении слова) концентрирует все свои ресурсы, чтобы противостать преодолению себя любовью.

§ 2. Внутренний мир

Задача этого параграфа двойная: во-первых, обосновать предположение о сверхтелесной форме человеческого бытия; во-вторых, привести некоторые аргументы в пользу мнения, что такой формой является мир.

Что касается первой цели, то теперь мы должны сосредоточиться на факте существования телесного человека и согласовать его с нашим утверждением о сверхтелесности человека. Телесность человека, как мы уже об этом говорили, есть вынужденная мера, предпринимаемая с целью приспособления к наличным онтологическим условиям. Будучи существом сверхтелесным, человек не находит, однако, онтологической сферы, которая могла бы его осуществить должным образом. Поэтому он вынужден “адаптироваться” к тем условиям, которые ему “предложены”. Приспособление это может осуществиться только одним способом -превращением себя в телесное существо, чтобы стать, таким образом, субъектом превращенно-человеческого бытия.

Доказательство того, что человек, будучи очевидно телесным субъектом “феноменально”, не является таковым по существу, состоит в том, что человек способен осуществлять такие виды деятельности, которые не могут осуществляться в телесной (пространственно-временной) действительности. И это не какие-то исключительные виды, а самые насущные, например, речь. Но, конечно, это и такие, практическая нужда в которых не кажется настоятельной, например, всевозможные изображения - от каменных изваяний до живописных полотен.

Мы писали уже, что коммуникативная функция языка не может быть выполнена без онтологической, поскольку на ней основывается, а онтологическая не может быть осуществлена в пространственно-временной действительности. Автор, т.е. существо, бытию которого имманентно то, во что он себя воображает, должно быть сверхтелесным, поскольку воображенное им телесно. То же, еще с большей наглядностью, относится к иконическим видам искусства -скульптуре, графике, живописи. В исходном пространстве, в котором существует произведение, например, графического искусства, существует “внешнее произведение”, т.е. картон с нанесенными на него штрихами и линиями. В некоторый узнаваемый предмет (существо и под.) штрихи и линии собираются относительно точки и утвержденного на ней созерцателя, имманентных действительности, в которой пребывает воспринимаемый предмет, Созерцатель, будучи вне исходной действительности, имманентен воображаемой действительности и воображающему ее автору. Не будучи моментом исходной действительности, созерцатель вместе с тем не пребывает в онтологической пустоте. Человек, для которого воображение является постоянным онтологическим состоянием, и является - также постоянным - субъектом, бытию которого имманентно воображаемое.

Человека в онтологическом отношении можно определить как субъекта, существование которого совершается посредством существования тех, в кого (или что) он себя воображает. Таким образом, человек - онтологически двупланное, архитектоническое по типу своей

органации существо. Речь, естественно, идет именно о человеке, а не о биологическом существе, осуществляемом органическими закономерностями.

Воображая себя в кого-то, человек воображает и тот бытийный контекст, в котором существует воображенное им существо или предмет. Если прибегнуть к научному термину, что вполне уместно, то следует сказать, что автор воображает себя в фабульную действительность. Эта действительность может быть "проработана" весьма детально, может оказаться "едва намеченной", но она обязательно существует. Ее существование и есть причина потребности в термине "мир".

"Мир" в настоящее время все еще пользуется спросом в литературоведении, хотя пик своей популярности он уже прошел. Именно эта популярность превратила его в одно из самых запутанных понятий. Мы, конечно, не станем разбирать этот "завал", а попытаемся объяснить свою позицию и аргументировать необходимость этого термина, его корректность относительно человека как субъекта превращенно-языкового бытия.

Прежде всего мы отвлекаемся (здесь именно) от того значения слова "мир", которое связано с противопоставлением "горнего" и "дольнего" ("дольний" и есть мирской, светский, противоположный "горнему", представленному в земной жизни преимущественно церковью и монастырем). Миром мы будем называть ту "сверхдействительность", которой имманентна фабульная действительность. Таким образом, мы противопоставляем "действительность" и "мир" - на основании их онтологического статуса: "мир" статусом выше действительности, поскольку она имманентна миру.

Это противопоставление более или менее понятно, поскольку тут сохраняется представление о некоторой сфере как общем понятии. Отличие мира от действительности -отличие двух сфер. Некоторая условность в наименовании пространственно-временной сферы "действительностью", а сверхтелесной сферы "миром", конечно, остается. Мы в данном случае учитываем тот факт, что обыкновенно любая действительность мыслится как пространственно-временная, поэтому, прибегая к слову "мир", мы отрицаем не его "действительность", а его "телесность". Тем не менее, определенное своеволие тут, конечно, остается.

Есть другое, более радикальное, отличие, к которому мы сейчас обращаемся. Традиционно различаются субъект некоторого существования и сфера, в которой оно совершается. Это различие актуально именно для "действительности" как сферы телесного существования. "Мир" же как субъект бытия совпадает со сферой своего бытия. Поэтому мир не "место", в котором осуществляется бытие автора (воображающего), но субъект бытия, т.е. бытие автора разворачивается как мир. Подобное представление, конечно, не ново, оно восходит к античной традиции представления человека как "микрокосма".

Итак, с одной стороны, мы убеждаемся в существовании "субъекта бытия", с другой - в отсутствии тела. Субъекта существования мы обыкновенно представляем как тело. Если есть существование, есть и тот, кто существует, и этот существующий есть тело. Субъект превращенного бытия, не будучи телесным ("фигурным"), "субъектом бытия" все же остается. Оставляя (реалию и термин) субъекта бытия, мы соотносим его не с "телом", а с "миром".

Фабульная действительность, не будучи имманентной телесному существу, имманентна воображающему. Бытие воображающего, относительно которого может быть имманентной фабульная (пространственно-временная) действительность, должно быть сверхтелесным, т.е. определяться относительно телесной действительности, согласно иерархическо-

му онтологическому принципу, как мир. Если известное выражение “внутренний мир человека” несколько перефразировать, мы получим искомую формулировку: внутренний человек есть мир.

§ 3. Основная ситуация

Из сказанного выше следует, что человек - это тот, кто превратил себя в телесное существо и им стал. Таким образом создается известное онтологическое напряжение между субъектом бытия, которое мы можем определить как человеческое, и субъектом органического существования. “Человеческое” и “телесное” существования не дополняют друг друга, но противостоят одно другому, и это противостояние время от времени обостряется и принимает открыто конфликтный характер. Но сама онтологическая ситуация остается чреватой конфликтом с самого начала появления человека как субъекта “человеческого” бытия.

Несколько упрощая ситуацию, можно сказать так: человек, пытаясь осуществиться в качестве человека, должен превысить жизненную онтологическую форму, т.е. форму, осуществляющую человека как биологического субъекта. Свойственная человеку “по определению” форма снимает жизненную. Жизненная стремится свести человека до уровня животного (“маугли”). Эти спорящие друг с другом онтологические тенденции и формируют ситуацию, которую мы считаем основной, базовой для человека. Выражаясь предельно определенно, скажем: эта ситуация такова, что или человек победит жизнь (“мир” в христианском значении слова) и из субъекта превращение-человеческого бытия станет субъектом непосредственно человеческого бытия, или жизнь победит человека, и из субъекта превращенно-человеческого бытия он выродится в субъекта непосредственно природного (биологического) существования.

“Преимущество” жизни в ее онтологической непосредственности: она не питает никаких “намерений” осуществлять человека в качестве исключительно биологической величины, она осуществляет и поддерживает исключительно себя. Вовлекая в свои формы человека, она не сознательно и целенаправленно “обезвреживает” человека как сверхтелесное существо, как бы навязывая ему жизненные ценности и саму себя как основную ценность,- она просто остается сама собой во всех ситуациях.

Поскольку онтологическая интуиция не позволяет человеку успокоиться на создавшемся положении и признать превращенную форму своего человеческого существования как отвечающую его “норме”, то он не оставляет попыток превозмочь свою превращенноеть и “выпрямиться”. Одним из наиболее радикальных способов осуществления таких попыток является стремление стать субъектом эстетического бытия, в котором онтологический конфликт достигает - не “крайней”, разумеется, но достаточной для преодоления жизненной формы героя, степени. Правда, в несколько искусственной ситуации, что не лишает ее, однако, онтологической серьезности.

Итак, в предложенных онтологических условиях человек может осуществлять себя только опосредствованным (непрямым) образом, а именно через онтологического

посредника - телесное существо. По-настоящему человек - это тот, кто превратил себя в телесного человека и определился относительно него как его “творец”. Однако человек настолько “адаптировался” к жизненной форме, что считает ее безусловно сродной себе как человеческому существу, не замечая, что для этого ему пришлось значительно расши-

рить само понятие жизни, чтобы оно могло вобрать такие формы, которые считались бы жизненными (например, “духовная жизнь”), не будучи ими по существу.

Человеческое существование, по сути, совершается между двумя онтологическими полюсами: человеческим (к которому человек стремится, повинуясь онтологической интуиции, и от которого отдаляется, повинуясь жизненному инстинкту) и природным, т.е. непосредственно телесным (от которого человека отталкивает его человеческий статус, подающий ему сигнал опасности в случае критической близости его к этому полюсу).

Настоящее время нельзя признать как наиболее благоприятное, наиболее располагающее к увлечению возможностями жизни как известного типа бытия. Хотя человек, по-видимому, не готов еще принять мысль, что жизнь: а) вполне определенный тип существования, главной чертой которого является телесность, что жизнь - не абсолютно высшая форма форма бытия, но высшая форма только телесного по своему типу бытия; б) человек - сверхтелесное и поэтому сверхжизненное существо. Если проанализировать письменные памятники, оставляемые человеком в его историческом существовании, можно заключить о постоянном конфликте человека с жизнью. Человек, с одной стороны, не оставляет попыток “обустроить” жизнь, полагая, что его не удовлетворяют именно эти, “здесь и сейчас” актуальные формы жизненного существования и которые, при надлежащем исправлении станут удовлетворительными, однако эти и очередные исправления оказываются не достигающими своей цели. Дело, таким образом, не в той или иной конкретной жизненной форме (социально-экономической формации, строе и под.), но в ее принадлежности к телесному типу существования. Классически совершенные жизненные формы только с классической ясностью обнаружили бы “принудительность” жизненного существования человека.

Высказываясь, человек хотя и становится субъектом превращенно- языкового, следовательно, сверхжизненного, бытия, но, как правило, он сосредоточен на обсуждении жизненных проблем. Однако он не вовсе погружен в свои жизненные заботы. Человек со временем становится субъектом такого рода деятельности, которая не преследует непосредственно прагматических целей. Появляются высказывания, в которых отсутствует установка на достижение жизненных целей. Одним из видов таких высказываний являются так называемые “поэтические” высказывания (“произведения”). Эта группа высказываний не обладает свойствами, делающими их жизненно ценными, но вместе с тем обладают свойствами, делающими их эстетически (человечески) ценными.

Эстетический автор, будучи субъектом превращенно-словесного бытия, воображает себя в субъекта превращенно-языкового бытия (повествователя, исполнителя, лирического героя), а он - в жизненную действительность и совокупность жизненно-прозаических лиц (героев). В этих высказываниях тоже, конечно, о чем-то говорится, поскольку языковой автор превращает себя в жизненно ориентированных существ, пребывающих друг с другом в разнообразных отношениях, в том числе конфликтных.

Вместе с тем в них более явственно проступает другой конфликт и другие цели, нежели жизненные. Становится со временем все более очевидным, что здесь человек выступает не как описатель интересного предмета, а сам выступает в качестве субъекта, пребывающего в онтологическом конфликте, и его - превращенно-словесное - бытие направлено на разрешение этого конфликта.

В отличие от субъекта превращенно-языкового бытия, поэт гораздо более чувствителен к онтологическому конфликту, он более остро реагирует на превращенность своего бытия. Например, Пушкин становится поэтом не потому, что есть другие поэты, а потому, что его

“томит” жизненная действительность с ее целями, ценностями и под., что он более остро ощущает свою онтологическую недостаточность.

Становясь причастным бытию Слова, поэт становится причастным и его онтологическому конфликту. Онтологическое состояние поэта таково, что он не может быть бесчувственным к онтологическому конфликту Слова, потому что он - тот самый субъект, бытие которого - одна из форм, наиболее адекватно воспроизводящих конфликтное состояние Слова. Онтологический статус поэта к тому же таков, что делает возможным разрешение этого конфликта.

Эстетический конфликт возникает потому, что человек превращает себя в телесного человека и им становится. Теперь нам легко предположить, что разрешить свой конфликт человек-автор может вследствие “обратного” превращения. То есть: человек-автор становится самим собой, превращает себя “обратно” из героя в автора. Этим событием человек устраняет то обстоятельство, которое и было причиной невозможности для него непосредственно человеческого бытия.

“Возвращаясь” к себе, автор перестает быть автором и из творца становится субъектом непосредственно словесного бытия. Цель творца в том, чтобы разрешить противоречие, принудившее его к превращенному (творческому) бытию и перестать быть творцом. И.Кант, как известно, видя целесообразность организации произведения, не видел вместе с тем цели. У “произведения”, действительно, нет цели, однако у автора как субъекта эстетического бытия такая цель есть и состоит она в разрешении конфликта между должной и наличной формами человеческого существования.

Событие обратного превращения - событие превращения героя в автора. Чтобы предпринять такую странную “акцию”, у жизненно-прозаического человека должен быть весьма существенный мотив для этого. Этот мотив - стремление овладеть высшей человеческой ценностью.

Та ценность, которую хочет “присвоить” фабульный человек, осуществляется в формах, превышающих жизненные. Поэтому он оказывается перед выбором (фактически, однако не очевидным для себя образом): или преобразовать ценность в соответствии со своей наличной онтологической формой или “позволить” ей преобразовать наличную форму так, чтобы она стала способной “принять” и осуществлять эту ценность как “нормальное” содержание человеческого бытия.

Высшая ценность для героя - это и есть автор, поэтому, превращая себя в субъекта, способного сделать высшую человеческую ценность содержанием своего бытия, герой превращает себя в автора (автор превращается снова в себя). Событие эстетического бытия есть, по существу, событие обратного превращения.

Событие превращения героя в автора - это, в свою очередь, практическая форма превращения жизненно актуального человека в субъекта непосредственно человеческого бытия. Вполне осуществляя событие обратного превращения, поэт (Пушкин, например) превозмогает свою жизненную форму, снимает ее актуальность, самоотрицается как жизненно существо, т.е. умирает. Так, причиной гибели Пушкина был, конечно, не ничтожный Дантес, а Пушкин-автор: он был, так сказать, “удостоин” возможностью невозвращения в жизненную сферу после достижения им статуса непосредственно словесного бытия. Таким образом, эстетический автор, разрешая конфликт между собой и героем, тем самым разрешает конфликт между должной и наличной формами своего человеческого существования.

Каковы высшие ценности человеческого бытия? Абсолютно высшей ценностью является, согласно общему мнению, любовь. Эстетическая ценность, не будучи, естественно, абсолютно высшей, относится к разряду высших. Она может служить выражением любви (“эстетическая любовь”), однако осуществить ее в должном виде она не в состоянии. То, что для героя является любовью как высшей ценностью, то для автора- практическая форма осуществления эстетической ценности (выше которой субъект эстетического бытия подняться не в состоянии).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИСКУССТВО И ТВОРЧЕСТВО

Эстетическое бытие, будучи “словесным” по типу, не является настолько энергичным онтологически, чтобы разрешить онтологический конфликт человека. Конфликт отдельного человека оно, однако, разрешить в состоянии. Тем самым эстетическое бытие оказывается не только “схемой” события, которое предстоит пережить человечеству, совершающему обратное превращение, но и дает ему онтологический опыт для его свершения: человек оказывается “подготовленным” к нему. В этом мы видим достоинство и необходимость существования эстетического автора.

Противопоставление искусства и творчества давно стало общим местом. Классическим для нас примером такого противопоставления являются Моцарт и Сальери. Соглашаясь “в общем” с Пушкиным (но здесь нет полного единодушия: О.Мандельштам, например, решительно берет сторону “сурового мастера” Сальери), мы, тем не менее, несколько смущаемся, когда слышим от Сальери, что Моцарт способен убить искусство:

Что пользы - если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?
Подымет ли он тем искусство?
Нет: оно падет опять, как он исчезнет:
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нем?..

Нам представляется, что, напротив, Моцарт своим искусством способствовал расцвету музыкального искусства, и некоторым неудобством для людей, желающих стать музыкантами, является очень высокий уровень, но Сальери не только не относится к таким людям, но, судя по его поведению, был бы этому только рад. Причина тут, конечно, в другом.

Эстетическая ценность является одной из высших ценностей человека. Эстетически актуальный человек оказывается в онтологическом противоречии с самим собой как жизненно актуальной величиной. Однако жизнь находит возможность переоформить стремление человека к сверхжизненной ценности, к тому же вполне достижимой. То противоречие жизненной и человеческой форм существования, которое мы считаем характерным для теперешнего человека, превращается в их согласие посредством обращения форм сверхжизненного бытия в специфически человеческую деятельность: то, что для человека - форма существования, то для жизненно актуального субъекта становится формой специфически человеческой деятельности. Человек, таким образом, мыслится как существо, отличающееся от животного не типом существования, а потребностью человека в определенных видах деятельности и умением их осуществлять. Одним из таких видов деятельности является искусство.

В отличие от бытия, деятельность не может не быть специализированной. Человек просто не может осуществлять все виды деятельности сразу. Появляются типы человеческой деятельности и формируются сферы их активности. Одной из самых мощных и влиятельных сфер является сфера искусства. Углубляясь и расширяясь, деятельность постепенно

дифференцируется, усложняя и свою сферу. Так, сфера искусства постепенно специализируется внутри себя: выделяются отдельные виды, виды разделяются на роды и жанры.

Сфера того или иного вида искусства, структурируясь, превращается в нечто самостоятельное и самоценное, относительно чего человек определяется как своего рода функционер. Специфика отдельного вида искусства требует от человека овладения этой спецификой, вследствие чего возникают специальные учебные заведения, обучение становится профессией. Сфера искусства превращается в нечто первичное относительно каждого отдельного человека, которому оно имеет право предъявлять требования на получение права быть причастным к себе. Овладевая тем или иным видом искусства, человек сам тем же самым процессом овладевается искусством, превращаясь в пианиста, скульптора и проч.

Конечно, время от времени в той или иной сфере искусства могут происходить маленькие возмущения. Структурируясь, сфера того или иного искусства несколько консервируется и начинает диктовать своему функционеру правила “поведения”. Так, писатель может “работать” в том или ином жанре, он может свободно предпочитать один жанр другому (или писать в нескольких жанрах одновременно), однако если он сделал выбор, то уже жанр начинает требовать от писателя, чтобы он осуществлял волю именно этого жанра. Если же писатель вместо романа пишет роман в стихах или роман-эпопею, то определенное сотрясение испытывает вея сфера поэтического искусства: она реагирует на появление “неуставного” произведения всем своим составом.

Таким образом: то, что по своей сущности, а также онтологической функции есть превращенная форма бытия автора, эмансипируясь от него в качестве “произведения”, становится самоценным. Относительно произведения человек оказывается субъектом специфического вида деятельности, в котором можно усовершенствоваться. Некоторые произведения вполне могут считаться и быть на самом деле шедеврами того или иного вида искусства.

Если мы представим себе место произведения в событии обратного превращения, то оно окажется своего рода “побочным продуктом” этого события. Представим себе, что первый автор пишет первое произведение. Он воображает себя в героя; герой, овладевая высшей человеческой ценностью, разрешает тем самым конфликт между автором и героем; автор превращается в себя самого как субъекта правильным (непосредственным) образом совершающегося человеческого бытия. Преодолевая актуальность жизненной формы существования, автор перестает быть автором. Он не покидает жизненную сферу, но превышает ее, снимает ее актуальность как формы существования. То произведение, которое в обычной ситуации есть своего рода “рефлекс” сферы телесного существования на сверхтелесное бытие, оказывается в нашем случае единственным, да и то только в продолжение того времени, когда длится бытие автора. Когда же конфликт разрешается, превращенное бытие становится непосредственным, произведение завершается, завершая собой ту действительность, в которой оно и может существовать в качестве произведения. “Первое” произведение должно стать и последним.

Но так как эстетическая форма человеческого бытия не обладает онтологической энергией, достаточной для того, чтобы превозмочь сопротивление жизненной формы существования, то его авторское бытие “отлагается” в качестве “мертвого препарата” (прибегаем к известному выражению В.Гумбольдта) в сфере жизненного существования и становится в ней более или менее высокой ценностью поэтического или какого-то другого вида искусства.

Это произведение, как мы уже говорили, и становится “почкой”, из которой вырастает “древо искусства”, или, более прозаически, формируется сфера того или иного искусства.

В эстетическом бытии таится целый ряд опасностей, тем более коварных, что они не только не представляются опасностями, но в них видят цель искусства. В наши намерения не входит перечисление и характеристика этих опасностей, поэтому мы укажем на главную в настоящий момент. Она персонифицирована в “человеке искусства” (виртуозе и - как его вульгарной разновидности - маэстро). Это субъект, сформированный сферой искусства, как бы персонифицированная функция, существующая согласно закономерностям той сферы, в которой он зародился и существует.

Культ человека искусства, подчеркивание профессионализма (мастерства), сопровождающееся разного рода жизненными результатами: престижными премиями, - лауреатством, гонорарами и проч. - все это признаки успехов жизни в овладении автором как субъектом творческого бытия. Само наличие сферы искусства очевидно доказывает ненормальность положения, когда фокус внимания установленне на авторе, а на произведении. Эта нечуткость к авторскому бытию, его трагичности свидетельствует о притуплении онтологической интуиции.